

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ И ЗЛОПОЖЕЛАНИЯ В ТАДЖИКСКИХ СКАЗКАХ *Исмоилова Нилуфар Маноновна, преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания факультета иностранных языков МУ ВО “Российско-Таджикский (Славянский) университет (Душанбе, Таджикистан)*

ДУОҲОИ НЕК ВА БАД ДАР АФСОНАҲОИ ТОЧИКӢ *Исмоилова Нилуфар Маноновна, омӯзгори кафедраи забонишинсии назариявӣ ва амалии факултети забонҳои хориҷии МБ ТО “Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон (Душанбе, Тоҷикистон)*

BLESSINGS AND ILL-WISHES IN TAJIK FAIRY TALES *Ismoilova Nilufar Manonovna, lecturer of the department of theoretical and applied Linguistics of the faculty of foreign languages under the MI HE “Russian-Tajik (Slavic) University (Dushanbe, Tajikistan) e-mail: aaliev55@mail.ru*

Рассматриваются благопожелания и злопожелания как значимые элементы речевого поведения в таджикских народных сказках. Исследование направлено на выявление их функционального назначения, семантического наполнения и структурных характеристик, а также на анализ их роли в отражении культурных норм и ментальных ориентиров таджикского этноса с помощью языковых средств. Изучение сказочного материала, его эмоциональной окрашенности позволяет установить, что эти речевые формы выполняют не только коммуникативную, но и ценностно-смысловую функцию: они способствуют закреплению в сюжете сказки моральных установок, передаче представлений о социальной справедливости, добре и зле, чести и воздаянии. Цель статьи – выявить, описать и проанализировать культурно-ценностное содержание благопожеланий и злопожеланий в таджикских народных сказках. Для достижения цели используются лингвокультурологический и лексико-семантический методы анализа.

Ключевые слова: благопожелания; злопожелания; сюжет сказки; языковые средства; эмоциональная окрашенность

Дуоҳои нек ва бад ҳамчун унсурҳои муҳимми рафтори нутқӣ дар афсонаҳои мардумии тоҷикӣ баррасӣ шудаанд. Ҳадафи таҳқиқ муайян кардани таъиноти функционалӣ, мундариҷаи семантикӣ ва хусусиятҳои сохтори онҳо, инчунин таҳлили нақши онҳо дар инъикоси меъёрҳои фарҳангӣ ва самтгириҳои ҳувиятии этноси тоҷик мебошад. Таҳлили афсонаҳои мардумӣ нишон медиҳад, ки ин рафторҳои нутқ на танҳо вазифаи муоширатӣ, балки вазифаи арзишӣ-семантикиро низ иҷро мекунанд: онҳо ба таҳкими принципҳои ахлоқӣ ва интиқоли гояҳои адолати иҷтимоӣ, некӣ ва бадӣ, шараф ва мукофоти амал мусоидат мекунанд. Ҳадафи мақола муайян кардан, тавсиф ва таҳлили мундариҷаи фарҳангӣ ва арзишии дуоҳои нек ва бад дар афсонаҳои мардумии тоҷикӣ мебошад. Барои ноил шудан ба ин ҳадаф усулҳои таҳлили забонӣ-фарҳангӣ ва лексикӣ-семантикӣ истифода шудаанд.

Калидвожаҳо: дуоҳои нек; дуоҳои бад; сюжети афсонавӣ; воситаҳои забонӣ; тобишҳои эҳсосӣ

This article examines good and bad wishes as significant elements of speech behavior in Tajik folk tales. The study aims to identify their functional purpose, semantic content and structural characteristics, as well as to analyze their role in reflecting the cultural norms and mental guidelines of the Tajik ethnic group using linguistic means. The study of fairy tale material and its emotional coloring allows us to establish that these speech forms perform not only a communicative but also a

value-semantic function: they contribute to the consolidation of moral principles in the plot of the fairy tale, the transmission of ideas about social justice, good and evil, honor and retribution. The purpose of this article is to identify, describe, and analyze the cultural and value-based content of good and evil wishes in Tajik folk tales. To achieve this goal, linguocultural and lexical-semantic analysis methods are used.

Key-words: *blessings; ill wishes; fairy tale plot; linguistic means; emotional coloring*

Введение

Изучение особенностей благопожеланий и злопожеланий имеет важное значение в языковой культуре народа, поскольку способствует раскрытию национальной сущности (они передают информацию о жизни, традициях и обычаях народа, раскрывают его мировоззрение), пониманию системы взглядов этноса на мироздание, определению национальной специфики языка и психологии народа.

Исследования в области лингвокультурологии в таджикской лингвистике подробно описаны в статьях Д.М. Искандаровой: «В таджикском языкознании первые исследования в области когнитивной лингвистики, а затем и лингвокультурологии были начаты в 2004-2005 гг. учеными, которые с 2009 г. объединили усилия на кафедре теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ). В поле интереса ученых – базовые концепты, лингвокультурные типажи, языковая картина мира носителей таджикского языка, стереотипы, ментальность, языковая личность, ценностные доминанты, изучение метафор и метафоризации, информационных аспектов речевой деятельности, ментального лексикона и др.» [2, с. 167].

В работе «Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании» профессор Д.М. Искандарова отмечает: «...вся семантическая система языка может быть полностью поделена на два противоположных признака с позитивной или негативной оценкой: хороший/плохой, добрый/злой. Оценка «бед – плохо» лежит в основе концепта «бед – зло», поэтому не вызывает сомнения, что исследование концептов, содержащих в своем составе слово «бед», является чрезвычайно востребованным» [1, с. 61].

Каждому народу присущи свои ценности - как материальные так и духовные. Каждая ценность формируется под воздействием каких-либо факторов: географических, исторических или социальных. В фольклоре многих народов есть как добрые пожелания (благопожелания), так и недобрые (злопожелания или проклятия). Эти формулы отражают нравственные ценности каждого народа и раскрывают его представление о мире. Они выполняют двойную функцию – способствуют сохранению традиций и обеспечивают их передачу от поколения к поколению, а также регулируют социальное поведение. Благопожелания и злопожелания находят применение в магических и колдовских ритуалах, подчеркивая их важность в жизни народа.

Б.С. Сафаралиев пишет: «Историческое прошлое таджикского народа свидетельствует об исключительной самобытности его традиционного фольклора, под влиянием которого воспитывались многие поколения людей, складывались их национальный быт и культура» [3, с.135]. Из сказанного мы можем заключить, что фольклор является не только проявлением национально-специфических особенностей этноса, но и представляет собой источник, через который может быть обнаружена самобытность этноса.

Важная особенность благопожеланий заключается в том, что их произносят преимущественно представители старшего поколения – родители, дедушки и бабушки,

прабабушки и прадедушки. Как правило, народ верит, что благопожелания (дуо), сказанные представителями старшего поколения, имеют свойство сбываться.

А злопожелания (дуои бад) зачастую пронизаны отрицательными эмоциями и выражают гнев или разочарование, что делает их мощным инструментом в фольклорной традиции.

Эти негативные заклинания или пожелания произносятся с целью причинения вреда или несчастья. При употреблении проклятий человек верит в сверхъестественные силы, которые могут влиять на чью-либо судьбу или окружающий мир. Но иногда человек забывает, что произнесенное им пожелание зла может вернуться к нему самому или к его семье.

Цель данной работы заключается в том, чтобы исследовать особенности выражения благопожеланий и злопожеланий в таджикских сказках и их культурное значение. Для этого нами использован лингвокультурологический метод, который позволяет определить культурные ценности, то, как они связаны с национальными традициями, верованиями, нормами морали. Также используется метод лексико-семантического анализа, который позволяет распределить все благопожелания и злопожелания, найденные в сказках, на тематические группы. Традиционно эти словесные формулы (злопожелания и благопожелания) постоянно звучат в быту таджикского народа.

Согласно существующим народным поверьям, говорящий может наслать на своего оппонента несчастье и тогда, когда использует формы представления тактики злопожелания для его поругания, а еще, как гласит народная мудрость, несчастья, насылаемые говорящим на кого-либо, имеют свойство к нему же и возвращаться. Молящийся должен искренне обращаться к Аллаху и знать, что только Аллах могущественен ответить на его мольбу. Поэтому он не должен обращаться ни к кому, кроме Аллаха, и не должен использовать никого в качестве посредника: ни пророка, ни святого, ни ангела, ни праведного раба, ни кого-либо еще.

Речь идет о речевых актах, произнесение которых, как правило, вызвано аффективным состоянием говорящего, поэтому можно утверждать, что они призваны выполнять исключительно экспрессивную функцию. Злопожелания определяются как «выраженные словами пожелания какой-либо беды, являющиеся отражением известного душевного состояния человека»; в них «вкладывается пожелание угрозы здоровью, благополучию, счастью, иногда самой жизни» [5].

Злопожелания относятся к речевым актам эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия, поводом для которых является ощущение говорящим несоответствия адресата и его поведения норме или представлениям говорящего о ней [4, с. 129].

Например, в сказке «Момохолбика» старики желают молодоженам: «Пусть они всегда будут рады видеть друг друга, пусть проживут долгую жизнь» / *«Мӯйсафедон дар ҳаққи писари хурдию зани паризоди дар ҳусни ҷамол беҳамтои ӯ дуо карданд: «Ҳамеша аз дидори якдигар шод бошанд, умри дароз бинанд. Дуои мӯйсафедон мустаҷоб шуд. Онҳо ҳамеша аз дидори якдигар шод буданд, умри дароз диданд, шумо ҳам ҳамеша шод бошед умри дароз бинед»* [6, с.152].

«Старики помоллились за младшего сына и его красавицу-жену: «Пусть они всегда будут рады видеть друг друга, пусть проживут долгую жизнь». Молитва стариков была услышана. Они всегда были рады видеть друг друга, прожили долгую жизнь, пусть и вы всегда будете счастливы и проживете долгую жизнь».

Здесь благопожелание от имени автора одновременно направляется и на читателей. С помощью дуа (молитвы) построен переход от сюжета сказки в реальность. Говорят, что молитва старшего поколения имеет свойство сбываться. Поэтому в таджикской культуре очень важно, чтобы молодые *«дуои пиронро ба даст оваранд»* - получили благословление

от представителей старшего поколения. Наши дела и помощь приносят им радость, и они благословляют нас в ответ.

В сказке «*Тохир и Зухро*» используется благопожелание (молитва) в стихотворной форме. Стихотворные благопожелания (молитвы) могут быть частью устного народного творчества, песен, поздравлений на праздниках и важных событиях (например на свадьбах, днях рождения и др.). Стихотворная форма позволяет сделать пожелания более выразительными, запоминающимися и эмоциональными:

«*Зухро гамгину маъюс расида омада, ба чаими гирёну дили бирён ба Тоҳир нигоҳ карда гуфт:*

Чаими бади кас ҳеч ба чаимат нарасад.

Отаи ба вучуди шиқнарастат нарасад.

Мардуми ҷаҳон ҳама дуо мегӯянд:

Ҳар ҷо рафтӣ, ҳеч шикастат нарасад» [6, с. 188].

«*Зухро пришла грустная и разочарованная, посмотрела печальными глазами и с разбитым сердцем на Тохира и сказала:*

«Пусть ничей дурной глаз не встретится с твоими глазами.

Пусть огонь не коснется твоего влюбленного тела.

Все люди мира молятся об одном:

Куда бы ты ни пошел, будь в целостности и сохранности».

Эта сказка о горячей любви двух молодых людей, которых разлучили и история которых окончилась трагедией. Здесь молитва исходит от Зухры. Она молится, чтобы её любимый вернулся домой целым и невредимым.

«*Писари савдогар ин гапро шунида, мот шуду гуфтаҳои падараширо фаромӯи карда, сад тангаро ба дасти пирамард дод. - Бахт ёрат бошад, писарам, - гуфт пирамард дуо карда ва баъди ин пандашро ба забон овард: Аз насибаи пагоҳӣ рӯй матоб!» [6, с. 337].*

Молодой человек получает от старика благопожелание (дуа) за выполненное действие: «*Пусть сопутствует тебе удача, сын мой*», - сказал старик благословляя, и после этого произнёс наставление: *Не отказывайся от утренной доли».*

Эту же модель благопожелания можно встретить и в другой сказке:

«*-Духтари азизам, дигар фикр намекунам, ки писар надорам, ту кори даҳ писарро адо карда, маро сарфароз кардӣ, илоҳи умрат дароз ва бахт ҳамеша ёрат бошад! [6, с. 96]. // «- Дорогая моя доченька, я больше не думаю, что у меня нет сына, ты выполнила дело десяти сыновей и почтила меня, да хранит тебя Бог, долгих лет жизни и счастья!»*

Очень часто бывают случаи, когда люди жертвуют чем-нибудь ради дуа - молитвы, подают милостыню, помогают бедным или просто хотят сделать *кори савоб* - благое дело. Веря, что дуа может изменить судьбу, и веря в её силу, люди часто готовы идти на уступки: «*Як дуо кунед кифоя» // «Сделайте дуа, этого достаточно».*

Совместная молитва создает атмосферу единства и взаимной поддержки для верующих. Люди объединяются в своих намерениях и желаниях, что усиливает их духовную связь и способствует созданию общего намерения. Пророк Мухаммед говорил о том, что дуа, произнесённая в группе, имеет особую силу. Совместную молитву (дуа) можно встретить в сказке «*Аввал пурсиш, баъд кушиш*» - «*Сначала спроси, потом убивай*»:

- *Мардум имрӯз кудрати баргардонидани қарзро надоранд, бинобар ин ҳама рӯзу ҳама соат, дар кӯчаву бозор, масҷиду хонаҳояшон даст ба омин бардошта, ба Парвардигори олам илтиҷо карда, бо як овоз мегӯянд, ки «Худоё, Худовандо, умри подшоҳро дароз кун!» **Барои подшоҳу подшоҳӣ магар кудрати бузургтаре аз дуои неки тамоми халқ метавонад вучуд дошта бошад?!» [7, с.304] // «Сегодня у народа нет сил вернуть долг,***

поэтому каждый день и каждый час на улицах, рынках, в мечетях и домах они поднимают руки и молятся Господу миров, говоря в один голос: «Боже, Боже, продли жизнь падишаху! Может ли быть большей силы для царя и королевства, чем добрая молитва всего народа?!».

Но, кроме благопожеланий, в таджикских сказках очень часто можно встретить и злопожелания, которые также относятся к фольклору. В таджикском языке, как и в других языках, существуют различные формы злопожеланий, которые могут выражать недовольство или злость.

В сказке «*Корнамои рӯбоҳи хокистарранг*» – «*Подвиги рыжей лисы*» можно встретить одно из самых распространенных злопожеланий – «лаънатӣ»: «*Аз чор тараф садо баромад: -Бисёр бародаронамонро нобуд кард ин гурги лаънатӣ! -Ба чинси рӯбоҳ қирон овард. -Ў гӯё гурба асту мо муш. Барои ин гург рӯбоҳро доштану куштану хӯрдан-як ид. -Хайр, чӣ пешниҳод дорӣ?-ба суханрон савол дод рӯбоҳи хокистарранг, ки дар сафи пеш менишаст*» [7, с.57] // *Со всех четырех сторон раздался голоса: — Этот проклятый волк уничтожил многих наших братьев! Он уничтожил лису! - Он как кот, а мы как мыши! Поэтому для волка поймать, убить и съесть лису – праздник. - Так что ты можешь предложить? - спросила говорящего серая лиса, сидевшая в первом ряду*».

В сказке «*Дӯстони хиёнаткор ва духтари покдомани бузургон*» -«*Коварный друг и целомудренная дочь великих*» также встречается эта модель злопожеланий: «*Ин вақт писари бой - Абдулло аз ҷояи тохта хеста: -Ту лаънатӣ, дурӯғ мегӯӣ, хез гӯм шав! - гӯён ба сари афсонагӯӣ мушт кашид*». [7, с. 209] // «*В это время сын богатого Абдулло вскочил и сказал: — Ты лжешь, проклятый, убирайся вон! - и ударил рассказчика по голове, Ахрор своими сильными руками заставил его сесть, повернулся к мальчику-пастушку и сказал...*».

Рассмотрим сказку «*Ҷазои девкамтир*» – «*Наказание старухи*», в которой используется злопожелание «чавонмарг»: «*-Оча, оча! Лаби Оиша инҷ, дандонеш мошу биринҷ... -Э, чавонмарг шавӣ, ин чӣ гапи гуфтагиат! - гуфта девкамтир духтараширо зад, духтараи ҷо ба ҷо мурд*» [7, с. 292] // «*- Мама, мама! Губы у Аиши красивые, а зубы у нее маленькие и ровные*». - *Ой, умри ты молодой, о чем ты говоришь!* - сказала старушка, побила дочь, и её дочь скончалась на месте.

Во всех приведённых сказках используется распространенное злопожелание - «лаънатӣ», и мы рассмотрим значение данной лексемы, приведённое в словарях. В Фарҳанги забони тоҷикӣ даёта селудуоие определеие даииой моделе: «Лаънат - дуои бад, бадгӯӣ, дашнои, изхори нафрат» - плохая молитва, сквернословие, ругань, выражение ненависти [11, с.598]. В Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (ФТЗТ) [9] даёта селудуоие определеие: «ЛАЪНАТ а. لعنة дуои бад; бадгӯӣ, изхори нафрат; лаънат ба... таъбири дашнои, ки дар мавриди изхори нафрату мазаммати сахт ба касе ё чизе гуфта мешавад; таънаву лаънат маломату нафрат; лаънат кардан // лаънат фиристодан // лаънат хондан нафрин гуфтан, изхори нафрату дашнои кардан» [10, с.719]. В Таджикско-русском словаре под редакцией Д. Саймиддинова даёта допологиение [10]: «ЛАЪНАТ проклятие; ~ кардан, ~ хондан, ~ фиристодан, ~ гуфтан проклинать кого-л.; предать проклятию; посылать проклятия; ~ ба ў! будь он проклят! ЛАЪНАТӢ» [8, с.338].

В последней приведённой нами сказке использовалось злопожелание «чавонмарг». Для точного определения его значения, а также перевода на русский язык мы обратились к словарям. Для начала нашли его определение в ФТЗТ: «*ЧАВОНМАРГ* 1. он ки дар чавонӣ мурдааст; чавонмарг кардан, дар чавониаш нобуд кардан; чавонмарг шудан дар чавонӣ мурдан. 2. калимаи дашнои, ки дар вақти изхори норизоӣ аз касе гӯянд» - тот, кто умер молодым; убить молодого; умереть молодым. 2. ругательство, используемое при

выражении неодобрения кому-либо [9, с. 574]. В словаре Д.Саймиддинова мы нашли дополнение: «**ЧАВОН(И)МАРГ** ~! бран. чтоб ты сдох!» [10, с.745].

Из второго значения этого слова видно, что оно означает «ругательное слово, которое можно сказать, выражая недовольство кем-либо».

Другой распространенной формулой злопожеланий являются «*Худо туро занад, Худозада, Худо туро бигирад* и т.п.» В буквальном смысле эти злопожелания означают: «*Да накажет тебя Аллах, наказанный Богом; пер. опозоренный, обесчещенный*» [8, с. 689]. Приведем примеры из таджикских сказок с использованием этих формул злопожеланий: «*«-Ман кӯре ҳастам, ки як бор асо гум кардаам, дигар гум намекунам. Ҳар чӣ мегӯӣ, ҳар ҳаракате мекунӣ беҳуда. Беҳтараиш шавҳарамро ба ҳуш биёру моро сиҳату саломат ба манзил расон, бар акси ҳол **Худо мезанадат, расвои олам мешавӣ**»* [7, с. 207] // «Я человек, который один раз совершил эту ошибку и никогда больше ее не повторит. Все, что вы говорите, все, что вы делаете, — напрасно. Лучшие приведи моего мужа в чувство и верни нас домой целыми и невредимыми, **иначе Бог тебя накажет, ты станешь позором для мира**».

В данном контексте злопожелание выражается в виде угрозы, которая подчеркивает последствия действий для собеседника. Главная героиня делится своим опытом и предупреждает, что больше не хочет впасть в такую ситуацию. Она использует метафору потери трости, чтобы описать свою уязвимость и осознание того, что одна ошибка может иметь фатальные последствия. Она просит собеседника, чтобы её с мужем вернули домой, иначе Бог может наказать его: «*Қорӣ дар хаим шуда гуфт: -Пас ту гирифтаӣ, эй қиморбози худозада! -Қорӣ, худ бигӯ, **Худо туро зад ё маро?** - пурсид қиморбоз. - Худо туро аз чаим маҳрум карда, ба ҷойи ин хотираатро мустаҳкам кардааст, то ки Қуръони маҷидро барои бандагонаш тиловат бикунӣ»* [7, с. 352] // «Слепой рассердился и сказал: - **Значит, ты взял, проклятый азартный игрок!** - Слепой, скажи, **тебя или меня Бог наказал?** - спросил игрок. – **Бог лишил тебя зрения и вместо этого укрепил твою память, чтобы ты мог читать славный Коран Его рабам**».

В данном отрывке один из главных героев сказки – азартный игрок, другой из них – слепой, и речь идет о том, как и кого наказал Бог. Игрок в свою очередь пытается оправдаться, спрашивая, кто из них был наказан. Это указывает на его попытку избежать вины и перенести акцент на судьбу.

Далее рассмотрим лексико-семантические поля, грамматические формы, используемые для передачи благопожеланий и злопожеланий.

Все благопожелания и проклятия, приведенные нами в качестве примеров из таджикских народных сказок, можно поделить на следующие лексико-семантические группы:

1) **пожелание долголетия:** *умри дароз бинанд, илоҳӣ умрат дароз ва бахт ҳамеша ёрат бошад, дуо мекунам, ки умрат дароз шаваду ризқат фаровон;*

2) **пожелание счастья:** *бахт ёрат бошад, офарин, ҳамеша хушбахт бош, Офарин, ҳамеша хушбахт бош;*

3) **пожелание богатства:** *ризқат фаровон шавад;*

4) **пожелание смерти:** *Э, чавонмарг шавӣ;*

5) **пожелание позора:** *Худо мезанадат, расвои олам мешавӣ.*

По грамматическим формам выражения их можно поделить на следующие группы:

A. **Условное наклонение:** *ҳар нияте, ки дошта бошед, амалӣ гардад, ҳар чо рафтӣ, ҳеч шикастат нарасад;*

B. **Повелительное наклонение:** *хушбахт бош, зинда бош, чавонмарг шавӣ.*

Заключение

Благопожелания и проклятия играют важную роль в таджикской культуре при формировании моделей поведения, а также в передаче традиций. Они не только определяют общественное сознание таджиков, но и являются одним из средств общения. Эти речевые обороты отражают нравственные ценности народа, его мировоззрение, а также духовность и нравственные ориентиры.

Изучение благопожеланий и злопожеланий, содержащихся в таджикских сказках, позволяет сделать вывод, что сказочники намеренно используют их и наделяют разными функциями. Эти жанры обогащают речь говорящего и создают положительный или отрицательный образ главного героя. Они также способствуют раскрытию идейного замысла, показывают отношения между персонажами. Кроме того, в сказках благопожелания могут выступать в роли завязки или развязки, то есть выполнять фатическую функцию языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Искандарова Д. М. Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании / Д. М. Искандарова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2023. – № 3(81). – С. 58-70.
2. Искандарова Д. М. Векторы развития таджикской лингвистики: цифровизация научных исследований / Д. М. Искандарова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2025. – № 2(88). – С. 166-182.
3. Сафаралиев Б. С. Из истории духовной культуры таджикского народа. Монография / Б. С. Сафаралиев. – Челябинск: Ризограф, 2011. – 251 с.
4. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты / Н. А. Трофимова // Семантический, прагматический, грамматический анализ. – Санкт-Петербург: ВВМ, 2009. – 371 с.
5. Чесноков И.И. Дискурсивная тактика злопожелания: прямые формы объективации в наличной конфликтной ситуации общения / И.И. Чесноков // Известия ВГПУ. – Волгоград, 2012. – № 3/2. – С. 79-82.
6. Афсонаҳои халқи тоҷик. – Хуҷанд: Ношир, 2005. – 409 с.
7. Афсонаҳои халқи тоҷик. – Душанбе: Маориф, 2016. – 90 с.
8. Калонтаров Я. Фарҳанги нави тоҷикӣ-русӣ / Я. Калонтаров. – Душанбе, 2008. – 320 с.
9. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷилди 2 / С. Назарзода ва диг. – Душанбе, 2008. – 945 с.
10. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ / Д. Саймидинов, С. Д. Холматова, С. Каримов. – Душанбе, 2005. – 461 с.
11. Фарҳанги забони тоҷикӣ / М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов, Р. Хашим – Т. 1. – Москва: Советская энциклопедия, 1969. – 951 с.

REFERENCES:

1. Iskandarova D. M. Research on Linguacultural Studies and Cognitive Linguistics in Tajik Linguistics / D. M. Iskandarova // University bulletin (Russian-Tajik (Slavonic)University). – 2023. – № 3(81). – PP. 58-70.
2. Iskandarova D. M. Development Vectors of Tajik Linguistics: Digitalization of Scientific Research / D. M. Iskandarova // University bulletin (Russian-Tajik (Slavonic)University). – 2025. – № 2(88). – PP. 166-182.
3. Safaraliev B. S. From the History of the Spiritual Culture of the Tajik People. Monograph / B. S. Safaraliev. – Chelyabinsk: Rizograph, 2011. – 251 pp.
4. Trofimova N. A. Expressive Speech Acts. / N. A. Trofimova // Semantic, pragmatic, grammatic analysis. – SPb.: VVM, 2009. – 371 pp.

5. Chesnokov I.I. *Discursive Tactics of Ill-Wishing: direct forms of objectification in an existing conflict situation of communication* / I.I. Chesnokov // Volgograd: VGPU 2012. – № 3/2. – PP. 79-82.
6. *Tajik Folk Tales*. – Khujand: Noshir, 2005. – 409 pp. (in Tajik)
7. *Tajik Folk Tales*. – Dushanbe: Maorif, 2016. – 90 pp. (in Tajik)
8. Kalontarov Ya. *New Tajik-Russian Dictionary* / Ya. Kalontarov // – Dushanbe, 2008. – 320 pp. (in Tajik)
9. *Tajik Interpretive Dictionary. Volume 2* / S. Nazarzoda, and other Dushanbe, 2008 – 945 pp. (in Tajik)
10. *Tajik Vocabulary into Russian* / D. Sajmiddinov, S.D. Holmatova, S. Karimov – Dushanbe, 2005. – 461 pp. (in Tajik)
11. Shukurov M.Sh., TD – *Tajik Dictionary* / M.Sh. Shukurov, V.A. Kapranov, R. Hashim – V. 1. Moskva: Soviet encyclopedia, 1969. – 951 pp. (in Tajik)